

4 20 МАЯ 40 8

Правда жизни

Спектакля Государственного ордена Лейпца академического Малого театра... Галлерей людей, надежных страстям, проходит перед нашими глазами. Они точно живые.

...Бречинский, игрок и жулик, с видом колченого барина, с наигранным благородством манер; грубый палача Гранде, хитро прищуривающий глаз; Галчиха, трагическая и жалкая, с неслухом жужжащая по миру; нелепый, в очках, со старомодными ужимками французского провинциала ютариус Крюшо, «лохоборщик» Незнамов, лицензий паспорт... Все они разные, все они не похожи друг на друга, но всех их объединяет одно: они — порождение страшного общественного строя, ломающего и калечащего людей.

★

...На сцену выходит Влашкин. Только что его жестоко избивали в клубе, поймав на нечистой игре. Он в помоях пиджаке, аз сорвана торчит блок ваты...

Первое появление Расплюева всегда отщип эффектню. Оно часто вызывает взрыв смеха в зрительном зале. Но вот в роли Расплюева выходит заслуженный артист Владиславский, и... нет смеха. Прислонившись к косяку двери, обирается жалкий, отсутствующий человек, только что битый, и в глазах его мы читаем вопрос: «Что же дальше?».

Работая над ролью Расплюева, Владиславский внесло со своим режиссером не выдох комичности в положение этого человека, дошедшего до положения прибитой собаки, готового на все — хоть на убийство, хоть на кражу! Но актер прочел в «расплюевшице» социальные явления и захотел его передать артистом.

...В былые годы, когда в Москве шла «Свадьба Бречинского», веселый, комеди-

ческий хохот сопровождал пьесу — от первого и до последнего акта. На «Свадьбу Бречинского» ходили, как на легкую комедию, а Сухово-Кобылин писал ее кровью своего сердца. «Походите же посмотрите», — говорили ему, — походите посмотрите, как там сидят, ведь это же успех, невиданный успех!... Сухово-Кобылин пошел, он увидел охотничьи в зале, слушала эти варвары смеха, глядел на веселую игру положевой, действительно с блеском развертывавшуюся на сцене, и весело сказал: «Ну что же, по Савьичу и шпильке».

Но непьющий актер Малого театра видит Расплюева таким, каким видел, создавая его, Сухово-Кобылин.

Витый, голодный человек, кощунский до точки, вдруг слышит: он может получить 200 тысяч рублей. Что-о?!.. Не слышался ли он?!.. «Господи, — думает изголодавшийся человек, — вот избавление, выдох!».

Надо только найти для этого несколько тысяч, любой ценой надо найти! И он уже готов сорваться с места и, точно ищейка, божать, куда прыкажут, и делать, что прыкажут.

Очень это смешно!

Разрабатывая роль Расплюева, Владиславский иногда поддавался соблазну — уже очень благодарный материал для комикования давала пьеса. Но тогда режиссер останавливал его, и сдержанность сопровождала актера на всем протяжении «Свадьбы Бречинского».

Глубокий социальный смысл увидел Малый театр и в «Без вины виноватые». «Театр ставит своей задачей, — писали в режиссерской экспозиции постановщики В. Шапелная и С. Алексеев, — сыграть с пьесы насущные сентиментального мелодраматизма... Мы видим в этой пьесе яркие черты социальной сатиры, справедливые бытующие устои общественных отношений, социальных предрассудков, коразни-

ства и бесправия в современном Острожскому обществе. Отрадно-Бручинина для нас — яркий образ культурной русской женщины, представляющей настоящей русской трудовой интеллигентки. Мы стремимся раскрыть в ней ее глубокую человечность, ее искренние поиски правды... Наш Незнамов не сентиментальный пятник, не мелодраматический попер, а человек мыслящий и протестующий. Шмага для нас не только и не столько помещицкий враждо пьесы, сколько органическая часть глубоко социальной сатиры... Духовная мы рассматриваем, как тип пустого человека, по его собственному выражению, «как и какому событию не способного»...

Второй акт пьесы. К Кручининой входит старуха-попрошайка. Кручинина узнает в ней Галчиху, у которой когда-то рос ее сын. Роль Галчихи обычно сводилась к тому, что она сообщает Кручининой: сын ее жив. На этом ограниченная роль ее и кончалась. Но и в малой роли Галчиха театр обдала социальный портрет, резко и выразительно градиру. Он удерживает в Галчихе порождение страшных лет России. Галчиха была на воспитание «незаконных», она, вероятно, делала тайные аборты; своеобразная и жадная, она пользовалась всем, что могло быть прибитым, готова была услужить во всех темных, во всех сомнительных случаях жизни. Такой увидела Галчиху народная артистка Турчанинова, разрабатывая эту роль. Вот она с растрепанными садыми косями выходит к номер Кручининой. Бесовязная, монотонная речь, мучные, невдаличе глаза... И вдруг внезапно видит деньги... много денег. Она слышит: эти деньги будут ее, все будут ее, пусть только она вспомнит судьбу одного безобразного ребенка! Вель ты поманишь, ты же поманишь его! И, выгнетогизируя взглядом денег, возбужденная нем до крайности, она старается привести свои мысли в порядок. «Вспомнила, матушка, вспомнила!».

«...И старалась, — говорит Турчанинова, — чтобы в определенное время ее голоса зритель вспомнил прежнюю Галчиху, еще не разбитую жизнью». «Вспомнила, матушка, вспомнила!» — и, чтобы не утратить явления прошлого, Галчиха начинает быстро говорить... Все же возбужденное, охватившее на короткий срок ее помутивший разум, гаснет, слух оставляет ее, и отчаявшаяся Кручинина укладывает поубеваемую старуху на диван...

Так в исполнении Турчаниновой эпизодическая роль эта приобрела силу социального портрета, выразительного и váltoмяющегося надосто.

Старик Гранде... старик Гранде из города Сомира, в посылках чужака, в стоптанных старых башмаках, в черной широкополой шляпе... пеламя Гранде, которому первыми кажутся и господни прокурор, и господин мар, и прочие уважаемые граждане города Сомира. Гранде — человек, находившийся во власти злого очарования золота, человек, погруженный в золотой туман, глухой и чужаковскому горю и страданию. Он крепко, как ермек, этот грубый старик. Он может иногда пошутить — грубый, тяжеловесный юмор балъзавоковье крестьян. Он, может быть, даже любит свою жену, но не настолько же, конечно, чтобы то и дело из-за ее болезни растащивать камни. А дочь свою он определенно любит, но мужа все-таки пеламя Гранде ей выберет сам, потому что выбор мужа — это вопрос о сохранении наможенного хи золота.

Работая над образом старика-стожателю, заслуженный артист Мезинский промислрвал различные французские явления. Он видел в ях старика Гранде то высокое и худое, то толстое и крепкое. И, в своем очерке, он создал своеобразную крепкую фигуру, во внешнем рисунке которой чувствуется не что-то и от даллостраий Евг. Кабрына к «Колд Бривиюну» и от злых рисунков Домье.

«И стремился разжечь балъзавоковские страсти, чтобы достиглась до зрительного зала горячая их дава, их жаркие слезы», — говорит актер. Задачу эту актер выполнил с блеском.

Вживаясь в старика Гранде, он с каждым спектаклем чувствовал себя в этой роли все свободнее, художник делал все новые мановые находки, обогащавшие образ палачи Гранде.

Старик требует от дочери, чтобы она отдала свое золото. Но нельзя велявать этим требованием большую жену. И тогда, послыла дочь за золотом, которого уже нет, старик грубой штершей своей закрывает глаза жены: «Но сидири!». И сквозь эти короткие толстые пальцы глядят молящие умоляе глаза умравленной женщины... Находя эта припала алтерю на одном из недавних спектаклей, пришла, как приходит и многие другие, был и копцова третьего акта, после чего старик уже в пьесе не показывается. Большое сердце мадам Гранде не выдерживает, она умирает. Впервые настоящее человеческое чувства овладевает палачей Гранде, разорвавшим золотой туман, окутавший его. Он хватает своими корынными пальцами золото — эти круглые, теплые, живые, самые живые для него существа, он разбрызгает их почти с рыданием, — нужно сыпать жену, но она, неспособная вернуть ему старуху, оказывается лишь холодными, негрешными пуштышками, сближающими между пальцами...

★

Пришло время, когда театр учитает классиков во всю силу их таланта и мысли, и великое наследие находит такой благодарный отклик у советского зрителя, какого не было ни у «старика» замечательного нашего театра — ордена Лейпца академического Малого.

★

Д. СЛАВЕНАНТОР